

ЕВГЕНИЙ ФЮЖЕН

ПРИГЛАШЕНИЕ
в ТИШИНУ
2

Евгений Фюжен

Приглашение в Тишину 2

«Автор»

2026

Фюжен Е.

Приглашение в Тишину 2 / Е. Фюжен — «Автор», 2026

Продолжение фантастического романа «Приглашение в тишину»: герои погружаются в загадочный мир тишины, сталкиваясь с испытаниями выживания, интригами и вопросами бытия среди диалогов и тайн.

© Фюжен Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Нервная система камня	5
Глава 2: Пробуждение призраков	10
Глава 3: Собрание осколков	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Евгений Фюжен

Приглашение в Тишину 2

Глава 1: Нервная система камня

Тишина после первого звона Камнепева длилась одно сердцебиение. Оно отозвалось в Элис не звуком, а сдвигом – будто мир, натянутый как барабанная кожа, кто-то тронул пальцем изнутри. Воздух в лаборатории Элидора перестал быть просто воздухом. Он стал проводником, жидким и плотным, и каждый кристаллик пыли в луче предрассветного света вибрировал в унисон с тем далёким, чистым тоном.

Рен сидел, прижав ладони к сросшейся скульптуре их творения, и его глаза – эти два бездонных колодца – отражали теперь не пустоту, а мерцание. Не отражённый свет, а свет изнутри. Свет сети. Элис видела его своим проклятым-благословенным даром: от его фигуры во все стороны, сквозь стены, в пол, в потолок, расходились тончайшие серебристо-серые нити. Они были не яркими, как Эхо страсти, и не тёмными, как шрамы. Они были как... **нервы**. Нервы камня. И по ним передавалась не боль и не восторг, а информация. Чистая, безэмоциональная, ужасающая в своей сложности картина академии.

– Он пускает корни, – прошептала она, и её голос в этой новой тишине прозвучал кощунственно громко. – Он чувствует всё.

Мор стоял у окна, его профиль был вырезан из базальта на фоне яростного зелёного свечения Оранжевой башни. Оно не пульсировало больше. Оно пылало. Ровным, неумолимым пламенем, которое окрашивало туман в цвет ядовитого моря.

– Не корни, – без интонации ответил Мор. – Он создаёт нервную систему. Академия до сих пор была рефлекторным существом – боль входила, свет исходил. Теперь у неё появляется... осознание. Примитивное. Голодное. И Аглая это чувствует. Она чувствует зуд.

Он наконец оторвался от окна и повернулся. Его лицо было пепельным, а в глазах, цветом поздних сумерек, бушевала буря расчётов и страха. – Ритуал «Великого Очищения» – это не заклинание. Это ампутация. Система попытается отрезать заражённую конечность, не глядя на то, что это за конечность. Мы не просто в опасности. Мы стали патогеном в теле, которое готовится к лихорадке.

Рен поднял голову. Его взгляд, полный отражённых сияний, остановился на Море. Он медленно отнял одну руку от Камнепева и вытянул её в сторону профессора. Пальцы сложились в странную, изломанную конфигурацию – не жест, а скорее схема. Ключ. Отмычка. Затем он коснулся пальцем другой руки своего виска, а после – указал на Мора.

– Он предлагает путь, – перевела Элис, её сердце бешено забилося. – Через сеть. Через... себя. Он может провести тебя. Не тело. Сознание. Туда, к сердцу системы.

Мор замер. – Провести мое сознание по резонансным каналам? В самое логово? Это невозможно. Мой ум не... не стерилен. Он полон следов. Система распознает меня как инородное тело ещё на подходе.

Рен покачал головой. Он снова коснулся Камнепева, и скульптура издала не звук, а вибрацию – низкую, успокаивающую, похожую на урчание огромного зверя. Потом он обвёл рукой лабораторию: пыльные фолианты Элидора, чертежи на столе, саму Элис, измождённую и решительную. Затем снова указал на Мора. *Ты уже не чужой. Ты здесь. Ты слушал. Ты менялся. Ты вплетён в этот узор. Ты – сложный, тёмный, но свой паттерн в новой сети.*

Мор сомкнул веки. Элис видела, как под тонкой кожей на его висках пульсирует жила. Он взвешивал. Не шансы на успех – их почти не было. Он взвешивал последствия провала. И последствия бездействия.

– Что я должен сделать там? – его голос был тише шороха страницы.

Рен закрыл глаза, углубившись в связь. Через минуту он открыл их. Его руки двигались в воздухе, медленно, будто в плотной жидкости.

Первое движение: резкий, рубящий взмах ребром ладони. *Разрушить. Уничтожить.*

Затем пауза. И второе: плавное, обволакивающее движение, ладони сходились, образуя сферу, щит. *Изолировать. Заключить. Защитить.*

– Ты не можешь разрушить ядро, – тут же сказала Элис. – Это убьёт Сильван. И тебя вместе с ним. Даже если бы ты смог...

Рен кивнул, указывая на второй жест. *Защитить.* Он приложил обе руки к своей груди, а потом медленно развёл их в стороны, как будто растягивая невидимую, упругую плёнку. Образ был ясен: не разрушение, а создание барьера. Кокона. Саркофага.

– Изоляция источника ритуала, – прошептал Мор, его ум уже гнал мысль вперёд со скоростью падающего камня. – Если ядро не сможет излучать команду... ритуал не запустится. Или запустится вхолостую, сгорев внутри самого себя. Но для этого нужна точная резонансная копия частоты ядра, но с обратным вектором. Контр-резонанс. Абсолютный антипод... – Его взгляд упал на Рена. – Которым можешь быть ты. Твоя пустота.

Рен утвердительно склонил голову. Затем он показал на окно, на башню, на весь спящий, больной мир Сильвана. *Чтобы выиграть время. Чтобы гармония пустила корни так глубоко, что её уже нельзя будет выжечь, не убив весь организм. Чтобы система была вынуждена... приспособиться.*

Решение висело в воздухе, острое, как запах озона перед грозой. Мор открыл глаза. В них не осталось ни страха, ни расчёта. Была только ледяная, отчаянная решимость солдата, идущего на мину.

– Как это делается? – спросил он.

Рен встал. Его движения были плавными, лишёнными обычной марионеточной скованности. Он подошёл к Морю и жестом велел ему сесть на пол, спиной к тёплой, пульсирующей поверхности Камнепева. Сам сел напротив, так близко, что их колени почти соприкасались.

– Дыши, – сказал Мор сам себе, закрывая глаза. – И стань пустым сосудом. Впервые настоящему.

Рен положил свои длинные, холодные пальцы на виски Мора. Прикосновение было безличным, как прикосновение инструмента. Элис, отступив в тень, насторожила все свои чувства. Её дар развернулся, и она увидела.

Сначала ничего. Просто два человека в полумраке. Потом от Рена потянулись те самые серебристо-серые нити – не Эхо, а его отсутствие, сама субстанция тишины, вытянутая в тончайшие проводники. Они коснулись ауры Мора – сложного, многослойного клубка. Там было холодное, ясное сияние интеллекта. Густые, тяжёлые тени давних решений. Острый, багровый шрам вины, который он тщательно скрывал даже от себя. И ржавые, цепкие щупальца связи с Оранжевой – те самые нити, что тянулись к зелёному огню.

Нервные нити Рена впились в эту ауру. Не грубо. С хирургической точностью. Они нашли те самые «ржавые щупальца» и пошли по ним, как по проводникам, вниз. Но они несли с собой не сигнал Мора, а его антипод – обёртку из тишины, пустотный кокон.

Мор вздрогнул. Все его мускулы напряглись. На лбу выступил пот. Это была не физическая боль. Это было ощущение, будто его душу выворачивают наизнанку и пропускают через сито абсолютного нуля. Он видел внутренним взором, куда его ведут.

Падение.

Не вниз, а *внутрь*. Сквозь слои камня, вековой раствор, спрессованные страхи фундаментов. Мимо спящих энергетических жил, тускло мерцающих, как угли. Мимо катакомб, где хранились кости первых архитекторов Сильвана, их Эхо давно стало просто фосфоресцирующим налётом на стенах. Он проваливался через пласты истории, каждый из которых был

написан не чернилами, а оттенком коллективной эмоции: гордыня основания, отчаяние первых неудач, холодная решимость, с которой было принято «решение об Оранжерее».

И наконец – *ядро*.

Он ожидал увидеть машину. Кристалл. Рукотворный артефакт. То, что он видел в отчётах и ощущал на расстоянии.

Он ошибался.

Сердце Скверны было живым. Вернее, оно было чем-то, что когда-то пыталось быть живым, а теперь застряло в вечной, мучительной агонии.

Оно занимало гигантскую, сферическую полость в самой сердцевине скалы под башней. И это была не пустота. Она была заполнена *плотью*. Но не органической. Плотью из света, тени и застывшего времени. Оно напоминало одновременно гниющий плод, гигантский мозг и корневую систему чудовищного растения. От него во все стороны, в стены, в потолок, вниз, в неведомые глубины, тянулись пульсирующие, чёрно-зелёные жилы – те самые каналы, по которым стекалось «Эхо утраты». Они входили в ядро, и оно медленно, лениво переваривало их, вытягивая из каждой капли боли последнюю искру потенции, чтобы затем выбросить наружу ровный, мёртвый свет стабилизации.

Сама поверхность ядра была в движении. На ней вспучивались и опадали пузыри-глазницы. Проступали и таяли контуры лиц – искажённые гримасой последнего мгновения перед «сбором». Слышался (не ушами, всем существом) постоянный, многослойный шёпот: обрывки незавершённых мелодий, последние слова недосказанных признаний, тихий вопль удивления от того, что всё кончено. Это был не просто архив. Это был **организм, питающийся ампутированными будущими**.

И в самом центре этого кошмара, как зрачок в исполинском глазу, пульсировала сфера абсолютной, совершенной пустоты. Не тишины Рена – благословенной, святой пустоты. А пустоты *выжженной*. Обезображенной. Той самой, что оставалась после полного «сбора». Это была чёрная дыра, всасывавшая в себя не только свет, но и саму возможность света.

Мора охватил ужас. Не личный, не человеческий. Вселенский. Он понял, что служил не просто жестокой системе. Он служил *этой*. Этой вечной, ненасытной агонии, притворяющейся порядком. Его рассудок, такой острый, такой контролируемый, затрещал по швам. Он хотел закричать, бежать, уничтожить эту мерзость даже ценой собственного уничтожения.

И в этот момент пустотный кокон Рена, тонкая оболочка тишины, что окружала сознание Мора, *сжалась*. Она не стала барьером. Она стала линзой. Она сфокусировала ужас Мора, его отвращение, его вину – и пропустила через призму абсолютного безразличия Рена. И на выходе получился не хаос, а холодный, ясный *инструмент*.

Знания Элидора, спавшие в памяти Мора, всплыли, кристально чистые. Формулы резонансного подавления. Принципы обратной гармонии. Он увидел не разрушение, а *геометрию изоляции*.

Его сознание, ведомое нитями Рена, устремилось к той самой чёрной сфере – к источнику команды «Очищения». Он не атаковал. Он *обнял*. Его воля, обёрнутая тишиной, стала не клинком, а точной, зеркальной копией частоты ядра, но с инвертированной фазой. Он начал строить вокруг сферы саркофаг. Не физический. Резонансный. Сеть из чистых, отрицательных интерференций, которая должна была отражать любой исходящий импульс обратно, внутрь, замыкая его в вечном, бесплодном цикле.

Это была работа, требующая нечеловеческой концентрации. Каждую микросекунду ядро пыталось выбросить приказ, волну зелёного огня. И каждую микросекунду Мор, используя пустоту Рена как щит и проводник, отражал её. Он чувствовал, как его собственная сущность, его воспоминания, его личность начинают стираться об эту ледяную, безэмоциональную работу. Он становился функцией. Алгоритмом сдерживания.

Наверху, в лаборатории, тело Мора покрылось инеем. Из его ноздрей и уголков закрытых глаз выступила тонкая струйка крови – не алая, а тёмная, почти чёрная. Он сидел неподвижно, но внутри него бушевала титаническая битва.

Элис видела это своим даром. Она видела, как серебристые нити от Рена наливаются свинцовой тяжестью. Видела, как аура Мора бледнеет, становится прозрачной, будто его выдувают изнутри. И видела, как в самой глубине, в том месте, куда ушло его сознание, зарождается крошечная, но невероятно плотная точка – зародыш резонансного саркофага.

А снаружи мир сходил с ума.

Зелёный огонь в башне, который пылал ровно, вдруг *захлебнулся*. Он вспыхнул ослепительной вспышкой, затем погас до тлеющего угля, потом снова рванул вверх – но уже не ровным столбом, а судорожными, рваными всплесками. Цвет из ядовито-зелёного сменился на багрово-чёрный, потом на больной, жёлтый. По всей академии свет в стенах начал мерцать, как плохая люминесцентная лампа. Из динамиков, которых не было, по коридорам прокатился пронзительный, металлический скрежет, сменившийся на оглушительную тишину, а затем на хаотичный гул десятков наложенных друг на друга голосов, плача, смеха, криков.

Система, лишённая чёткой команды, переходила в режим хаотичного автономного иммунного ответа. **«Резонансный некроз»**.

В Западном крыле, в зале «Гармонии», мраморная статуя Орфея, которая века стояла, замерши в жесте игры на лире, вдруг рассыпалась в мелкую, звенящую пыль. Не упала – именно рассыпалась, как будто связующая её магия испарилась. В библиотеке несколько стеллажей с книгами по древней, запретной магии самовоспламенились, выбрасывая не пламя, а сгустки чёрного дыма, который складывался в кричащие лица. В садах каменные птицы над аркой ворот содрогнулись и, одна за другой, стали падать, разбиваясь о плиты, но не с грохотом, а с тихим, жалобным хрустом, будто ломались кости.

И повсюду, из щелей между камней, из темноты за зеркалами, из самой толщи воздуха, начали выползать **фантомы**. Не призраки людей. Призраки *несостоявшихся событий*. Смутные тени картин, которые никогда не были дописаны. Искажённые эхо симфоний, прерванных на диссонансе. Геометрические фигуры, пытающиеся сложиться в невозможные архитектурные формы и рассыпающиеся от боли. Академия извергала из себя всю подавленную, неконтролируемую, больную энергию, которую веками копила и пыталась использовать.

В лаборатории задрожали стены. С потолка посыпалась пыль. Элис прижалась спиной к холодному камню, не в силах оторвать взгляд от двух сидящих фигур – одной, тающей на глазах, и другой, становящейся ледяным монолитом.

Рен вдруг закинул голову. Его рот, обычно плотно сжатый, приоткрылся. Из него не вырвалось ни звука. Но Элис *услышала*. Внутри своего черепа. Один-единственный, чистый, невыразимо печальный звук. Как лопнувшая струна. Или как последний вздох.

Нить, связывающая его с Мором, натянулась до предела – и порвалась.

Тело Мора рухнуло на бок, как тряпичная кукла. Из его горла вырвался хриплый, бессмысленный звук. Его глаза открылись. Они были пусты. Не как у Рена – с отражением сети. А просто пусты. Как окна брошенного дома.

А Рен... Рен медленно опустил голову. Он посмотрел на свои руки, потом на Камнепев. Скульптура пульсировала тревожным, алым светом. Он снова стал пустым. Но эта пустота была иной. Непричастной. Отделённой. Он выполнил свою функцию. Он провёл, защитил, отдал часть своей тишины для строительства саркофага. И теперь эта часть была там, внизу, заперта вместе с ядром.

Он был свободен. И бесконечно одинок.

Элис бросилась к Морю. Его пульс был слабым, нитевидным, дыхание поверхностным. Он жил. Но того, кто был профессором Кассианом Мором, деканом факультета Скорби, архи-

тектором сделок и носителем холодной логики – того больше не было. Осталась только оболочка, измученная и сломленная.

Она подняла голову, встречая взгляд Рена. В его пустоте она прочла сообщение, более страшное, чем любой звук:

Саркофаг держится. Но он хрупок. Система ранена и безумна. Очищение не началось. Но началось нечто худшее. Распад.

Снаружи, в коридорах «Крыла Спящих Камней», слышались первые крики. И топот бегущих ног. Хаос вырвался на свободу. А в сердце академии, в ядре, питавшем её веками, теперь тихо пульсировала инородная, пустотная клетка, сдерживающая безумие. И наверху, в этой пыльной комнате, лежал его создатель, ставший немым свидетелем, а их творение – Камнепев – впервые издало звук, похожий не на гармонию, а на предостерегающий, скорбный вой.

Глава первая закончилась. Война только что перешла из фаши скрытого противостояния в фазу открытого, тотального апокалипсиса. Нервная система камня была задета, и теперь всё тело Сильвана билось в агонии.

Глава 2: Пробуждение призраков

Тишина после обрыва связи была хуже любого звука. Она была липкой, неестественной, как паутина, натянутая над пропастью крика. Элис, прижав ухо к груди Мора, ловила слабые удары его сердца – неровные, как барабанная дробь отступающей армии. Его дыхание пахло медью и озоном, а открытые глаза отражали только пыльный свод лаборатории. Не сознание. Даже не безумие. **Отсутствие**. Саркофаг, который он помог возвести вокруг Сердца Скверны, возвёл и вокруг своего собственного «я».

Она отпрянула, вытирая с губ солоноватую влагу – слёзы или пот, она не знала. Её взгляд метнулся к Рену. Он сидел в той же позе, но теперь напоминал не человека, а изваяние, посвящённое## "истощение". Его пустота стала физической, осязаемой; казалось, воздух вокруг него холоднее, а свет избегает его кожи. Камнепев у его ног пульсировал тревожным, болезненно-алым свечением, от которого в глазах стояли пятна.

И тут стена лаборатории **вздохнула**.

Не метафорически. Каменная кладка между полками с реагентами Элидора выпучилась внутрь, как грудь гиганта под давлением, и с глухим, влажным хрустом покрылась паутиной трещин. Из щелей выполз не дым и не свет. Выполз **цвет**. Но не тот, что видят глаза. Это был цвет для внутреннего зрения, для её дара – гниюще-лиловый, шипящий ядовитой желтизной по краям, цвет тоски, доведённой до точки кипения и взорвавшейся немим психозом. Он растекался по стене, формируя не фигуру, а **ощущение** – клубок спутанных, невысказанных мыслей, удушающей неловкости, ярости, обращённой внутрь себя.

Призрак. Но не человеческий. Призрак **несостоявшегося диалога**, может, первой ссоры влюблённых, может, несказанного признания ученика учителю. Эхо события, которое никогда не материализовалось, но эмоциональный заряд которого был настолько силен, что вбил в камень, как гвоздь. А теперь, с ослаблением общих резонансных полей, он вырвался на свободу, слепой и опасный в своей безпредметной ярости.

Элис инстинктивно зажмурилась, пытаясь отсечь внутреннее зрение, но было поздно. Краешек того лилово-жёлтого клубка зацепился за край её сознания. В горле встал ком отчаяния и беспричинного стыда, пальцы задрожали. Она поняла: эти фантомы не атакуют тело. Они заражают душу.

Рен пошевелился. Он медленно, будто против огромного сопротивления, поднял руку и протянул её к стене. Не для того, чтобы коснуться. Он **развернул** ладонь, как будто раскрывая невидимый веер. И из центра его пустоты, из того места, где когда-то был его дар, полилось... ничто. Абсолютное, чистое отсутствие резонанса.

Лилово-жёлтое пятно на стене встрепенулось, как живое. Оно не отступило. Оно **установилось** на эту пустоту слепыми очами цвета. И стало медленно сжиматься, уплотняться, будто ядро его бесформенной агонии наталкивалось на непостижимый барьер – не стену, а пропасть. Пропать, в которой не было ничего, что могло бы резонировать, заражаться, питаться. Фантом, лишённый возможности отразиться в чужой эмоции, начал гаснуть. Не с исчезновением, а с тихим, жалобным шипением, будто лопался мыльный пузырь, наполненный ядом.

Когда пятно окончательно растворилось, оставив после себя лишь влажное, тёмное пятно на камне, Рен опустил руку. Он дышал чуть чаще. Его пустота сработала как иммунитет. Но Элис видела – каждый такой акт стоил ему частицы того немногого, что у него оставалось. Он был живым щитом, но щитом, который стирался при каждом ударе.

Снаружи крики приближались. Не крики ужаса – хотя и они тоже. Это были крики **озарения**, внезапной, мучительной ясности. Чей-то голос, сорванный до хрипа, выкрикивал обрывки стихотворения на забытом языке. Другой – рыдал, смеялся и снова рыдал. Третий – монотонно повторял одну и ту же фразу из учебника по архитектурной статике, с каждым

разом всё громче, всё истеричнее. Система, державшая психики учеников в жёстких рамках допустимых эмоций и творческих импульсов, дала трещину. И наружу хлынуло всё: и подавленное вдохновение, и скрытый ужас, и банальная, человеческая истерика от многолетнего напряжения.

Элис вскочила на ноги. Страх отступил перед леденящей, чистой необходимостью. Лаборатория Элидора была не просто мастерской. Она была крепостью. И сейчас в неё могли ворваться как безумные фантомы, так и обезумевшие люди. А ещё сюда мог прийти Лиам со своими «садовниками», чтобы найти источник катастрофы и «прополоть» его.

– Рен, – её голос прозвучал хрипло, но твёрдо. – Дверь. Нужно её забаррикадировать. Не только физически. Ты... ты можешь создать завесу? Тишины? Чтобы то, что снаружи, не чувствовало того, что внутри?

Рен посмотрел на неё. В его пустых глазах промелькнула тень чего-то, что можно было принять за одобрение. Он кивнул. Медленно поднялся и подошёл к массивной дубовой двери. Он не стал двигать мебель. Он положил ладони на тёплую, испещрённую древними царапинами древесину. И начал **настраиваться**.

Элис видела, как его аура – та самая, что была похожа на стабильную, холодную тень, – начала растекаться по поверхности двери, проникать в её волокна. Он не просто блокировал звук или сигнал. Он создавал зону **эмоциональной и резонансной нейтральности**. Место, которое для бушующей снаружи стихии Эхо должно было стать невидимым, скучным, неинтересным пятном. Как белый шум. Как тихий угол в бушующем урагане.

Пока он работал, Элис бросилась к Мору. Его нужно было переместить, спрятать. Она схватила его под мышки. Он был удивительно лёгким, будто кости его стали полыми. Его тело безвольно обвисло. Она оттащила его в дальний угол лаборатории, за большой чертёжный стол Элидора, накрыла плащом. Его пустой взгляд упёрся в потолок. Она на мгновение задержалась, глядя на него. Архитектор ада, ставший его первой жертвой. Поэтичная справедливость, от которой тошнило.

Грохот снаружи усилился. Послышались звуки борьбы, звон разбитого стекла, дикий, нечеловеческий вой – возможно, фантом, возможно, человек, окончательно потерявший связь с реальностью. Рен у двери вздрогнул, но не оторвал рук. На его лбу выступили капли пота, смешиваясь с пылью.

Внезапно Камнепев на столе издал новый звук. Не вой, а серию быстрых, трепещущих импульсов – как сигнал тревоги, закодированный в вибрации. Элис почувствовала прилив тревоги, но не своей. Это была тревога **сети**. Камнепев чувствовал что-то, доносившееся по его корневой системе.

Она подбежала к скульптуре. Положила руки рядом с тем местом, где лежали ладони Рена. Закрыла глаза. И позволила своему дару погрузиться в исходящий от неё поток информации.

Это было похоже на погружение в бурлящую, мутную реку. Она видела вспышки – образы, звуки, тактильные ощущения, пронесившиеся с безумной скоростью.

Обломки витража на чёрно-белом мраморном полу. Брызги тёплой жидкости, отдающей железом.

Искажённое лицо девушки с «Палитры», её глаза закатились, а из пальцев, сжимающих кисть, сочится не краска, а густой, синий свет.

Тень, бегающую по коридору «Крыла Отзвука» – не от человека, а от чего-то низкого, стремительного, состоящего из ломаных углов и чувства падения.

И сквозь этот хаос она уловила иное. Узлы. Точки относительного спокойствия. Как островки в потоке. Одна – в глубинах библиотеки, вокруг неё вился запах старого пергамента и ощущение холодного, методичного порядка. Мадам Ирена. Другая – в мастерской «Фундамента», где кто-то, преодолевая панику, пытался строить баррикаду из чертёжных столов, и от

этого места исходило Эхо упрямой, тупой решимости. И третья, самая слабая, едва теплящаяся – в одном из общежитий «Крыла Новых Листьев»: страх, но собранный, сжатый в кулак, и обрывок молитвы или детского стишка, повторяемый про себя как мантра.

Камнепев не просто фиксировал хаос. Он **картографировал** выживших. Тех, чья психика не разорвалась, а защёлкнулась в режим базового survival. И он тянулся к ним своими тихими, гармоничными нитями, предлагая не силу, а стабильность. Тонкий, едва уловимый фон, на котором можно было удержать рассудок.

Элис открыла глаза. – Он находит других, – прошептала она. – Тех, кто ещё в себе. Нам нужно связаться с ними.

Рен у двери кашлянул – сухо, беззвучно. Он снял одну руку с двери и сделал отрывистый жест: *Слушай.*

За дверью, в коридоре, раздались шаги. Не беспорядочный бег, а тяжёлая, мерная поступь. Несколько пар сапог. И голос, который Элис узнала бы из тысячи – ровный, напористый, лишённый теперь и тени бывшего добродушия.

– ...аномалия явно исходит из этого сектора. Судя по резонансным сбоям, источник – или эпицентр – здесь. Проверьте все помещения. Особое внимание – заброшенным лабораториям. Архивные записи указывают на возможные незаконные исследования.

Лиам. Он был уже здесь. И он вёл «садовников» на охоту.

Рен встретился с Элис взглядом. Его пустота теперь казалась стратегическим ресурсом. Он показал на дверь, потом на Камнепев, а затем приложил палец к губам. *Они ищут источник. Ядро сети здесь. Они почуяли Камнепева, когда тот подал сигнал.*

Шаги приближались. Загремели дверные ручки соседних помещений, ломаясь под напором. Элис огляделась в панике. Бежать? Но куда? Задний ход в оранжерею с папоротниками был слишком очевиден. Спрятать Камнепев? Он был размером с небольшой сундук и пульсировал светом, как маяк.

И тогда её взгляд упал на лиру Элидора, всё ещё стоявшую на постаменте. И на сам постамент. Тот самый, под которым была ниша.

Она кивнула Рену, указывая на постамент. Тот, не отрывая второй руки от двери, жестом показал, что понимает. Но его лицо напряглось. Поддерживать завесу тишины и одновременно манипулировать скрытым механизмом будет невероятно тяжело.

Элис бросилась к лире. Схватила её за холодное основание. Вспомнила движение Мора. Повернула против часовой стрелки. Щелчок был едва слышным, но постамент дрогнул. Она потянула его на себя. Каменная плита с глухим скрежетом отъехала, открывая чёрный провал.

– Быстрее, – прошептала она, хотя знала, что он и так выкладывается на пределе.

Рен сделал над собой нечеловеческое усилие. Он рванул второй рукой от двери, и на секунду защитная завеса дрогнула. Элис буквально почувствовала, как в щели хлынула волна внешнего хаоса – вихрь из страха, боли и безумия. Рен, стиснув зубы (впервые она увидела на его лице выражение, близкое к физической агонии), сделал стремительный, точный жест в сторону постамента. Его пустота, как щупальце, метнулась к механизму и провернула его до конца.

Плита отъехала полностью. Элис, не раздумывая, схватила Камнепева. Скульптура была тёплой и отозвалась на её прикосновение трепетом, будто испуганное животное. Она бережно, но быстро опустила её в нишу. Алое свечение озарило изнутри грубо отёсанные стены тайника. Затем она схватила самые важные записи Элидора, несколько кристаллов-резонаторов и сбросила всё туда же.

В этот момент в дверь лаборатории **стукнули**. Не попытка открыть. Точный, властный удар чем-то металлическим.

– Откройте именем ректора Аглаи и Совета Стабильности!

Рен, бледный как смерть, снова прижал обе руки к двери. Его завеса восстановилась, но теперь она была тоньше, прозрачнее. Элис захлопнула плиту над нишей. Механизм щёлкнул. Она повернула лиру обратно. Всё выглядело как прежде.

Она метнулась к столу, схватила наугад какой-то невинный трактат по геометрии и упала на стул, спиной к двери, делая вид, что погружена в чтение. Её руки дрожали так, что буквы прыгали перед глазами.

Удар в дверь повторился, сильнее.

– Последнее предупреждение!

Рен взглянул на Элис. В его глазах не было страха. Была усталая готовность. Он медленно, с театральной неохотой, отодвинул засов (который они никогда не запирали изнутри) и отступил от двери.

Дверь распахнулась.

В проёме стоял Лиам. Но это был не тот симпатичный, улыбчивый староста. Его лицо было жёстким, как из гранита, глаза сузились до щелочек, в которых горел фанатичный, зелёный отблеск – отражение аварийного света башни, падавшего из окна в конце коридора. За его спиной теснились трое «садовников» в практичных тёмных мундирах. В их руках были не оружие, а странные устройства – похожие на жезлы с кристаллическими наконечниками, которые тихо гудели, сканируя пространство.

– Профессор Мор? – начал было Лиам, его взгляд скользнул по пустому креслу у камина, по беспорядку на столе.

И тут он увидел тело Мора в углу.

На секунду его железная уверенность дрогнула. Он сделал шаг вперёд, его глаза расширились. – Что с ним? – Голос потерял официальный лоск, в нём прозвучало неподдельное потрясение.

Элис встала, стараясь, чтобы голос не дрогнул. – Мы не знаем. Был резонансный выброс... Он пытался стабилизировать поле... и рухнул. Он не отвечает.

Лиам подошёл к Морю, наклонился, проверил пульс. Его лицо стало ещё мрачнее. – Его нужно в лазарет. Немедленно. – Он махнул рукой двоим «садовникам». – Отнесите профессора. Осторожно.

Пока те поднимали безвольное тело Мора, Лиам повернулся к Элис и Рену. Его сканер-жезл гудел чуть громче, направленный в их сторону. Особенно на Рена.

– А вы что здесь делаете в такой час, мисс Вейн? И ты, Рен? – Его тон стал ледяным, подозрительным. – Лаборатория заброшена и запечатана. По распоряжению ректора.

– Профессор Мор привёл нас сюда, – солгала Элис, глядя ему прямо в глаза. – Он сказал, что в архивах Элидора может быть информация о подобных... сбоях. Мы искали протоколы экстренного подавления.

Лиам скептически окинул взглядом разбросанные бумаги. Его взгляд остановился на лире Элидора, потом на Рене. – И что нашёл ваш «молчаливый помощник»? Он ведь ничего не чувствует, не так ли? Идеальный инструмент для калибровки в такие моменты.

Рен не ответил. Он просто стоял, его пустота была непроницаемым щитом. Сканер на жезле Лиамы замер, затем выдал прерывистый, недовольный писк – не обнаружив ничего, кроме фонового шума.

Лиам задержал на нём взгляд на секунду дольше необходимого, затем перевёл его на Элис. – Система зафиксировала мощный, чужеродный всплеск гармонической частоты именно из этого крыла. Следом начался коллапс. Вы ничего об этом не знаете?

– Мы видели только, как свет погас и начался этот... кошмар, – сказала Элис, делая вид, что содрогается.

Лиам изучал её. Он не верил. Но у него не было доказательств. А вокруг рушился мир, и ему было приказано найти и обезвредить источник, а не задерживать студентов на основе подозрений.

– Лаборатория будет опечатана, – объявил он резко. – Официально – как зона повышенной резонансной опасности. Вам обоим приказано проследовать в главный зал для эвакуации и регистрации. Все студенты будут проверены на предмет... заражения нестабильными паттернами.

Это был приговор. В главном зале их ждали бы сканеры построже, вопросы, а возможно, и «карантин», который для таких, как Рен (и для неё самой, если её дар раскроют), мог означать только одно – гармонизацию или Оранжею.

Элис почувствовала, как холодный ужас сжимает горло. Но сдаваться было нельзя. Она кивнула, делая вид, что покорно соглашается.

В этот момент один из «садовников», оставшийся в дверях, вскрикнул. Все обернулись.

По коридору на них **катилась стена**.

Не из камня. Из тьмы. Но тьмы плотной, вязкой, кишасей обрывками кошмаров. В ней мелькали оскаленные рты без лиц, сплетённые в падающие спирали руки, глаза, открывающиеся прямо на поверхности черноты. Это был не один фантом. Это было их слияние, **роение** – десятки невыраженных ужасов и обид, слипшихся в единый, пожирающий всё на своём пути аморфный ужас. Он всасывал в себя свет, звук и, казалось, сам воздух.

Лиам побледнел, но не отступил. – Концентратор! На максимальную мощность! – закричал он.

«Садовник» у двери поднял свой жезл. Кристалл на его конце вспыхнул ядовито-зелёным светом, и луч, тонкий как игла, ударил в надвигающуюся черноту. На мгновение она отпрянула, из её массы вырвался визг, похожий на скрежет стекла по металлу. Но затем чернота **поглотила** луч. Зелёный свет погас, словно его высосали. И стена кошмара, став чуть больше, чуть плотнее, поползла дальше.

– Отступление! – проревел Лиам, и в его голосе впервые прозвучал чистый, животный страх. – Закрыть дверь!

Это был их шанс. Пока «садовники» в панике отступали в коридор, затаскивая тело Мора, а Лиам отстреливался короткими, бесполезными вспышками от надвигающейся массы, Элис схватила Рена за руку.

– Задний ход! Сейчас!

Они кинулись к щели за шкафом. Последнее, что увидела Элис, обернувшись, – это как чёрная, кишася стена накрыла порог лаборатории. Дверь с грохотом захлопнулась, но тут же её древесина начала темнеть, трескаться и... **прорасти** чем-то чёрным и недвижимым.

Лаборатория Элидора, их крепость и убежище, была потеряна. Но они были живы. И у них была карта, нарисованная в её сознании Камнепевом перед тем, как спрятать его. Карта островков в бушующем море безумия.

Им нужно было найти других. Им нужно было создать свой «Совет Трещин», пока академия не разорвала себя на части изнутри, или пока «садовники» не выжгли в ней всё живое в попытке остановить заражение. Они выскользнули в холодный, пахнущий плесенью тоннель, оставив за спиной гул битвы и тихий, нарастающий звон рвущейся реальности.

Призраки пробудились. И теперь им нужна была плоть, чтобы воплотить свой немой, вековой крик. А у живых оставался только хрупкий щит тишины и тонкие нити зарождающейся, иной гармонии.

Глава 3: Собрание осколков

Тоннель за шкафом был не просто лазом. Он был **улиткой**, ввинчивающейся в самое нутро спящего камня. Воздух здесь был не просто холодным и сырым, а древним, выдохшимся, как в лёгких мумии. Элис шла, держась за холщовую куртку Рена, её пальцы впивались в ткань так, что, казалось, вот-вот проткнут её. Света не было. Только слепая, давящая тьма и звук их собственного прерывистого дыхания, смешанного с отдалённым, приглушённым гулом катастрофы, доносящимся сверху, сквозь толщу скалы.

Этот гул был многослойным. Рёв обрушивающихся конструкций. Визг – человеческий и не только. И навязчивый, непрерывный фон – скрежет, похожий на трение гигантских тектонических плит, который Элис ощущала не ушами, а зубами и костями. Это сама реальность Сильвана скрипела по швам.

Рен шёл впереди без колебаний. Он не видел в темноте. Он **знал** путь. Его пустота, его связь с камнем, делала его идеальным проводником по этой каменной утробе. Но сейчас его походка была не такой уверенной. Он слегка пошатывался, и временами его плечо судорожно вздрагивало, будто от невидимых ударов.

– Рен? – прошептала Элис, её голос был поглощён мглой. – Ты в порядке?

Он не ответил. Но через несколько шагов остановился, прислонился лбом к мокрой, шершавой стене. Его дыхание стало частым, поверхностным. Элис, насторожив дар, осторожно протянула к нему руку, не касаясь. И ахнула.

От него исходило не привычное безразличное сияние пустоты. От него исходили **вспышки**. Короткие, болезненные, как удары током. Багровые пятна гнева, не принадлежащего ему. Синие волны панического ужаса. Серые, удушающие одеяла отчаяния. Он был как губка, впитывавшая ядовитую грязь, льющуюся сверху. Камнепев, спрятанный в нише, больше не стабилизировал его, не отфильтровывал поток. Рен был подключён к агонии академии напрямую, без защиты.

– Ты чувствуешь всё, что происходит там, – не спросила, а констатировала Элис, с ужасом понимая масштаб его мучений. – Ты... ты должен отключиться. Заблокировать это.

Рен медленно повернул к ней голову. В абсолютной темноте она не видела его лица, но чувствовала его взгляд. Он поднял руку и сделал два жеста. Первый: постучал пальцем по своему виску. *Я – проводник. Я – антенна.* Второй: сжал кулак и прижал его к груди, а потом медленно разжал ладонь, будто выпуская что-то. *Если я закроюсь... мы ослепнем. Мы не найдём их.*

«Их». Тех, кто на карте. Тех, кто ещё держится.

Он был готов быть живым сейсмографом этой боли, лишь бы у них был шанс. Элис сглотнула ком в горле. Больше не было времени на жалость. Она кивнула, хотя знала, что он не видит. – Тогда веди. Но... держись.

Они двинулись дальше. Карта в сознании Элис пульсировала, как второе сердце. Три островка. Библиотека. Мастерская. Общежитие. Ближайшей и, возможно, самой важной была точка в библиотеке – холодный, методичный порядок. Мадам Ирена.

Тоннель начал подниматься. Вскоре впереди забрезжил слабый, мерцающий свет – не лампы, а тусклое, зеленоватое свечение грибков, покрывавших стены. Они вышли в более широкий коллектор, явно рукотворный. По центру бежал тонкий ручей чёрной воды. В воздухе витал запах старой бумаги, воска и... ладана? Да, слабый, но устойчивый запах церковного ладана.

Рен поднял руку, указывая на едва заметную железную дверь, вросшую в стену, почти сливающуюся с камнем. На ней не было ручки, только замочная скважина в виде стилизован-

ного свитка. И, что самое странное, вокруг неё не было трещин. Камень выглядел цельным, стабильным. Здесь словно не ощущалось общего распада.

Элис подошла и постучала костяшками пальцев. Звук был глухим, негромким. Ничего не произошло. Она постучала снова, отчаяннее.

– Мадам Ирена? Это Элис Вейн. Профессор Мор... он... мы нуждаемся в помощи.

Минуту была лишь тишина, нарушаемая журчанием воды. Потом раздался скрежет нескольких тяжёлых засовов. Дверь отворилась на несколько дюймов. В щели блеснуло стекло толстых очков, за ним – острый, птичий глаз.

– Мисс Вейн, – сухой, без интонаций голос мадам Ирены был самым прекрасным звуком, что Элис слышала за последние часы. – Вы привели... гостя. И на вас обоих пахнет бурей. Входите. Быстро.

Дверь открылась шире, и они проскользнули внутрь. Ирена захлопнула дверь, и Элис услышала, как снова щёлкнули сложные замки. Они оказались не в комнате, а в **капсуле**.

Помещение было крошечным, но поражало абсолютным, почти безумным порядком. Это была не комната библиотекаря, а тайная аптека библиомана. От пола до потолка тянулись стеллажи, но на них стояли не книги, а аккуратно рассортированные и промаркированные ящички, склянки, свёртки. В воздухе витал коктейль запахов: сушёные травы, химические реактивы, чернила, пыль, воск и тот самый ладан, который тлел в маленькой бронзовой курильнице на единственном столе. Стол был завален странными приборами: увеличительные стёкла на шарнирах, весы с разновесками из кости, аппарат для оцифровки свитков с тихо жужжащими шестерёнками. И повсюду – записи. Аккуратные, микроскопическим почерком нанесённые на этикетки и в журналы.

Мадам Ирена была одета не в свою обычную скромную одежду хранительницы, а в прочный холщовый фартук с множеством карманов. За очками её глаза были красными от недосыпа, но острыми и собранными.

– Профессор Мор? – спросила она прямо, обводя взглядом Элис и Рена, задерживаясь на его бледном, искажённом внутренней болью лице.

– Его взяли «садовники». Он жив, но... он не в себе. Словно пустой, – выдохнула Элис.

– Предсказуемо, – Ирена кивнула, без тени удивления. – Тот, кто слишком долго латает плотину, чаще всего оказывается смыт первым, когда она рушится. А вы... – Она подошла к Рену, внимательно, как учёный рассматривает редкий экземпляр. – Вы проделали путь через эпицентр резонансного шторма. И несёте на себе его отпечатки. Буквально.

Она взяла с полки небольшой кристалл кварца на серебряной цепочке и медленно провела им перед Реном, не касаясь. Камень, изначально прозрачный, начал мутнеть, внутри него за клубились серые, багровые и чёрные прожилки. Ирена хмыкнула. – Эмоциональный шлак высокой плотности. Вы – живой фильтр, молодой человек. И фильтр, похоже, на грани протечки.

Рен опустил голову, словно в стыде. Элис встала на его защиту. – Он держал щит. Он провёл Мора к ядру. Без него всё было бы уже кончено.

– Я не осуждаю, – сказала Ирена, откладывая кристалл. – Констатирую. Ему нужна разгрузка, иначе его собственная структура разложится под давлением. У меня есть... методы. Но позже. Сначала – отчёт. Что случилось в лаборатории Элидора? И что это за сигнал, который прозвенел на час раньше всеобщего коллапса и был настолько чист, что у меня в ушах до сих пор звенит?

Элис колебалась. Доверять ли? Но карта Камнепева указала именно сюда. И эта женщина, этот архивариус забвенных знаний, была их лучшим шансом.

– Мы создали нечто, – начала Элис тихо. – Не источник энергии. Существо. Сеть. Оно родилось из памяти, тишины и... надежды. Мы назвали его Камнепев. Оно прозвенело. И система попыталась его уничтожить. Мор и Рен изолировали ядро Оранжеви, но...

– ...но сорвали все предохранители, и теперь котел перегревается и рвёт трубы, – закончила Ирена. Она сняла очки, протёрла их краем фартука. Её лицо без них казалось ещё более острым и усталым. – Камнепев. Интересно. И где сейчас этот... новорожденный?

– Спрятан. В лаборатории. Но лабораторию захлестнули фантомы. Лиам и его люди были там. Они нас нашли, но нас спасла... волна этих самых фантомов.

Ирена надела очки. – Лиам. Фаворит Аглаи. Если он видел вас там, связанными со всплеском, вы в чёрном списке. Вам нельзя показываться наверху. – Она подошла к одной из полок, сняла небольшой ящик. – У вас есть план, мисс Вейн? Помимо выживания?

– Есть карта, – сказала Элис, касаясь своего виска. – Камнепев дал её мне перед тем, как мы его спрятали. Он чувствует других. Тех, кто ещё держится. Здесь, в библиотеке, – это вы. В мастерской «Фундамента» – кто-то, кто строит баррикады. И в общежитии «Новых Листьев» – кто-то напуган, но цел. Нам нужно найти их. Объединиться.

Ирена молчала, перебирая содержимое ящика: маленькие ампулы с прозрачной жидкостью, пакетики с порошком. – Объединиться, – повторила она наконец. – Для чего? Чтобы вместе погибнуть? Или чтобы сделать что-то?

– Чтобы спасти Камнепев, – твёрдо сказала Элис. – И чтобы дать всем, кто ещё может думать, шанс пережить это. Аглая и «садовники» будут «чистить» всех подряд. Нам нужна своя территория. Убежище.

– Ротонда, – прошептал вдруг Рен. Его голос был хриплым, неиспользуемым инструментом. Он говорил впервые с момента их бегства. Все взгляды устремились к нему. – Там... тише. Там корни... Камнепева. Они могут... защитить.

Ирена подняла бровь. – Ротонда Забвенных Надежд. Ирония судьбы. Место, где хорошили старые провалы, станет убежищем от нового. Возможно, это и есть поэзия. – Она вздохнула. – Хорошо. Я предоставляю вам припасы. Лекарства, бинты, успокоительные настойки – как для людей, так и для... успокоения фантомов, на короткое время. Я останусь здесь. Моё место – архив. Кто-то должен записывать, что происходит. Даже если записывать будет нечего.

Элис хотела возразить, но Ирена подняла руку. – Не тратьте силы. Я не воин. Я хронист. И вам понадобится тыл. База. Здесь относительно безопасно. Резонансные стоки, которые я расставила годы назад, до сих пор работают. – Она указала на странные, похожие на чёрные грибы наросты в углах комнаты. – Они гасят внешние эмоциональные выбросы. Вашему другу здесь станет немного легче.

Она выдала им небольшой, но тяжёлый рюкзак с припасами. А также две маленькие, холодные металлические пластины с выгравированными на них символами. – Резонансные маячки. Настроены на частоту моих стоков. Если попадёте в беду и будете рядом – они нагреются. Это будет означать, что рядом безопасное место. И... вот это. – Она протянула Элис тонкий свиток. – Копия одного чертежа Элидора. Тот, что он назвал «Схемой Симбиоза». Возможно, пригодится, если вы действительно решите... приручить то, что создали.

Элис взяла свиток с благоговейным трепетом. – Спасибо.

– Не благодарите. Мы все в одной лодке, которая даёт течь. Теперь идите. Ищите ваших выживших. Мастерская «Фундамента» – это, скорее всего, старик Верн. Упрямый, как осёл, и ненавидит Оранжерею почти так же, как я. С ним, возможно, будет проще. С общежитием... будьте осторожны. Страх – непредсказуемый союзник.

Они снова вышли в тоннель, но теперь с рюкзаком за плечами и крошечной надеждой в груди. Следующей точкой была мастерская. Путь вёлся через старые вентиляционные шахты учебных корпусов. Поднимаясь по железным скобам в узкой, пыльной трубе, Элис снова почувствовала, как карта в её сознании **дёрнулась**.

Не просто пульсация. Чёткий, отчаянный сигнал бедствия. От точки в общежитии. Не просто страх. **Паника**. И вместе с ним – новый, чужеродный сигнал рядом. Холодный, методичный, хищный. Зелёный отблеск сканера.

– «Садовники», – выдохнула она, замирая. – Они уже там. Они проверяют общежития.

Рен, карабкавшийся под ней, остановился. Его лицо исказила гримаса. Он чувствовал это через свои раны – холодное, бездушное присутствие системы, выходящей на охоту.

Карта мастерской Верна была дальше. Сигнал из общежития был ближе и кричал о помощи. Элис встретила взглядом с Реном. Ни слова не было сказано. Он кивнул, один раз. Его пустота, его страдание – всё это было оплачено вперед, чтобы у них был шанс спасти, а не просто выживать.

Они изменили курс. Шахта вывела их в заброшенный лифтовой колодец. Отсюда, через решётку в стене, открывался вид на длинный коридор общежития «Крыла Новых Листьев». Картина была сюрреалистичной и ужасающей.

Коридор был освещён аварийными светильниками, мигающими в такт судорожным вспыхиванием зелёного огня в окнах. По полу, стенам и даже потолку ползли, переливаясь, странные узоры – словно гигантские, невидимые слизни оставляли за собой следы изменённой реальности. Это были **слезы пространства** – места, где ткань реальности истончилась от резонансного давления.

А посреди этого безумия, у одной из дверей, стояли двое «садовников». Один сканировал дверь жезлом, другой бил в неё плечом. За дверью слышался тихий, сдавленный плач.

– Проверка на заражение, – прошептала Элис. – А на самом деле – охота.

Рен посмотрел на неё, потом на свою руку. Он показал на сканирующего «садовника», потом сжал кулак и приложил его к своему сердцу. Идея была ясна и безумна: использовать себя как приманку. Выпустить наружу весь накопленный эмоциональный шлак, создать такой мощный, хаотичный всплеск, чтобы он перегрузил сканеры и привлёк внимание.

– Нет! – резко прошептала Элис. – Они сразу поймут, что ты аномалия. Тебя заберут.

Но что ещё они могли сделать? У них не было оружия. Только припасы Ирены.

И тогда её взгляд упал на пакетики с порошком. «Для успокоения фантомов». А что, если использовать это наоборот? Не успокоить, а **привлечь**?

Она быстро вытащила один пакетик. Порошок внутри был тускло-серебристым. – Рен, – прошептала она. – Ты можешь... направить немного того, что в тебе? Не всего. Каплю. И направить не на них, а в этот порошок? Сделать его... яркой конфеткой для фантомов?

Рен понял. Его глаза сузились в концентрации. Он взял пакетик, сжал в ладони. Его рука задрожала. На его лбу выступили крупные капли пота. Он не выпускал боль наружу. Он **фокусировал** её. Тонкую струйку того самого багрового гнева и синего ужаса, что klokотали в нём, он направил в серебристый порошок.

Пакетик в его руке начал светиться изнутри тусклым, болезненным светом. Элис взяла его, приоткрыла решётку вентиляции и, стараясь не дышать, высыпала порошок вниз, на пол коридора, в нескольких метрах от «садовников».

Ничего не произошло пару секунд. Потом светящийся порошок начал **впитываться** в пол. Камень под ним потемнел, стал маслянистым. И из этого пятна медленно, как из грязного пузыря, начало подниматься нечто. Не бесформенная масса. Это приняло очертания. Искажённые, плачущие, но узнаваемые. **Фантом отвергнутой любви**, который они видели в лаборатории, но теперь пропитанный концентрированной яростью и страхом Рена. Он был больше, плотнее, осознаннее в своей боли.

Он повернул свои слепые, лилово-жёлтые «очи» в сторону источника самого громкого, резкого эмоционального шума – к «садовникам».

Тот, что бил в дверь, первым почувствовал ледяное дуновение. Он обернулся. Его лицо исказилось ужасом. – Концентратор! Живо!

Но было поздно. Фантом, шипя, как кипящее масло, ринулся на них. Сканер жезла завыл, луч зелёного света пробил призрачную массу, но лишь разбрызгал её на несколько мгновений, после чего она собралась снова, ещё более злой.

– Отступаем! В коридор! – закричал один из них, и они бросились бежать, отстреливаясь бесполезными вспышками.

Как только они скрылись за поворотом, Элис и Рен вылезли из вентиляции и подбежали к двери.

– Откройте! – сказала Элис, стуча. – Они ушли! Мы здесь, чтобы помочь!

Замок щёлкнул. Дверь приоткрылась. В щели виднелось бледное, перекошенное страхом лицо молодой девушки, первокурсницы с «Палитры». За ней, в глубине комнаты, сидел на кровати, обхватив голову руками, ещё один студент. Лео.

Он выглядел ужасно. Его обычное спокойствие исчезло. Его трясло, он что-то бормотал себе под нос: «...нестабильно, угол... нагрузка... всё рухнет, всё рухнет...»

– Лео, – мягко сказала Элис, входя внутрь. – Лео, это я. Элис.

Он поднял на неё глаза. В них не было узнавания. Только паника человека, который увидел, как рушатся все законы его мира. – Стены... они дышат. Пол... он не держит. Всё неверно рассчитано. Всё падает.

Рен подошёл к нему. Он не говорил. Он просто сел рядом на пол, прислонившись спиной к кровати. И выпустил из себя не боль, а ту самую, крошечную, сохранившуюся внутри него каплю **тишины**. Не пустоты после боли. Тишины до неё. Тишины чистого чертежа, ясной линии, уверенности в том, что два плюс два равно четыре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.